

Боталов С.Г. Раннетюркская эпоха в Урало-Казахстанских степях// Бозок в панораме культур Евразии: Материалы Международного полевого семинара. Астана: ЕНУ им. Л.Н. Гумилева. 2008. С.156-170. (208) с.

Боталов С.Г.

РАННЕТЮРКСКАЯ ЭПОХА В УРАЛО-КАЗАХСТАНСКИХ СТЕПЯХ

Со второй половины V по вторую половину VI в. происходит окончательное сложение и утверждение в Урало-Казахстанских степях тюркского историко-культурного комплекса. Наступает *Раннетюркский период*, который, по всей видимости, в целом соответствует времени существования западного тюркского, тюркешского, огузского и кыпчакского каганатов. Нижние ее границы, вероятно, принципиально устанавливаются с середины VI в. Однако начавшийся процесс тюркизации* Урало-Казахстанских степей на предшествующем постгунском (IV-VIII вв.) этапе и появление комплексов с явно раннетюркскими чертами в более раннее время, безусловно, позволяет допускать взаимопроницаемость этих этапов.

Крайняя малочисленность комплексов VIII-IX вв. и явная преемственность раннеселенташских памятников (типа курганов "с усами") и схожих с ними селенташских комплексов (без гряд) вынуждает верхние границы этого этапа установить в рамках IX в.

Ранне-тюркский период составляют два этапа: *тюрко-телесский VI (конец V) - VII вв. и тюркешско-огузский VIII-IX вв.* Его характеризуют памятники селенташского типа (мегаплановые конструкции кургана, ограды с кремацией или продуктами огня) и курганы, содержащие погребения с конем или его шкурой. Ареал бытования данных культово-погребальных комплексов имеет весьма широкие границы в пределах степей Евразии. Памятники селенташского типа известны на западе в степях Восточной Европы, где исследован курган 18 из известного Новогригорьевского могильника. Он являлся курганом-вымошкой, расположенным на окончании южной каменной гряды, идущей в восточном направлении. По реконструкции И. И. Семенова с севера в этом же направлении располагался другой "ус", который мог быть сложен из грунта и впоследствии распахан (Семенов, 1988, с. 98, рис. 1). Таким образом, Новогригорьевский курган 18 входил в типичный селенташский комплекс курганов с "усами".

* Здесь следует сделать одно очень важное уточнение. Общеизвестно, что существует ряд работ авторитетных авторов по этнолингвистике и истории, в которых в том или ином смысле говорится о ранней (древней) тюркизации евразийских степей с сармато-аланского, скифского и даже древнесакского периода (Толстое, 1947, с.74-75; Турсунов, 1973, с. 161, 167; Чагдунов, 1980, с.66-67; Закиев, 1995, с.38-57; Кузеев, 1987, с.11, 14-18; Петров, 1975, с.125, 128, 129; Ажигали, 2001, с.17-18; Мажитов, Султанова", М·994). Абсолютно не пытаюсь оспаривать лингвистические составляющие данных реконструкций, особо заметим нижеследующее. Как нам представляется, действительно, тюркоиды, фиксирующиеся на самом раннем этапе, что вполне закономерно, отражают лингвистическое единство ностратических языков. Сам же процесс тюркизации представляется нам, как цепь сложной культурной трансформации, которая вначале приводит к формированию единого этно-культурного и политического ядра, а после к расширению данного культурного ареала и непосредственному воздействию его носителей на сопредельное геоэтническое пространство. В рамках аспекта нашего исследования конкретные периоды и этапы устанавливаются лишь в целостном сочетании исторической и культурной составляющих, что, в конечном счете, получило отражение в археологических и нарративных источниках.

156

Можно предположить, что этот объект относился к средневековому могильнику VI в., в котором были исследованы известные курганы VII-IX, с набором инвентаря типичным для памятников селенташского круга.

Еще один курган с "усами" был обнаружен П.С. Рыковым в урочище "Три брата" в Калмыкии. Он состоял из центрального каменного кургана, от которого в северо-восточном направлении отходили дугообразные однорядные дуги - 150 и 100 метров. (Рыков, 1936, с. 115-116). Кроме того, в Нижнем Поволжье известны так называемые курганы-кострища (Краснополье Е 14; Усть-Караман Е 13; Остроголовка Д 18, Д 19; Покровск, к-ны 2, 3,11,17,18, 42,47; Вы-

сокое Е 7). Основные черты обряда (следы огня и продуктов горения под насыпью на уровне древней поверхности, деревянные обожженные конструкции в виде рам, кости лошади и барана, разрозненные предметы со следами пребывания в огне) позволяют с уверенностью говорить о сходстве этих памятников с селенташскими. Набор вещевого инвентаря, обнаруженного в этих комплексах (плавнoproфилированная керамика, трехлопастные ромбические наконечники, накладки от лука, обломки полихромных накладок) также позволяет рассматривать данные памятники в едином хронологическом и культурном контексте с селенташскими.

Однако истоки традиций, которые отличают селенташские комплексы: мегаплановые сооружения, развернутые на восток; возведение вокруг или вблизи центрального кургана-храма (оградки, вымостки), в которой располагалось кострище или продукты огня; предметы (вооружения; узды; украшения, а также кости лошади, шкура, макет или ее маленькая модель, вероятнее всего, необходимо искать на востоке в ареале тюркоязычных кочевников Центральной Азии.

Прямой наиболее восточной аналогией курганов с "усами" является Синьцзянский комплекс могила "Хусой", в котором широкие дуги усов отходят на восток от центральной подквадратной вымостки.

Если мы проанализируем основные элементы древнетюркских поминальных комплексов Саяно-Алтая и Монголии, то убедимся, что по своим функциональным особенностям отдельные их элементы весьма сходны с элементами, составляющими комплекс курганов с "усами".

Центральный курган-храм в южносибирских и монгольских комплексах представлял собой, как правило, квадратную оградку или вымостку, ооконтуренную камнями (Варенов, 1999, рис. 1, 2; Войтов, 1996, рис. 7, 14, 18, 19, 22, 24, 37; Грач, 1961, рис. 6, 9, 13, 22, 28, 31, 47), хотя известны случаи и округлых центральных храмов (Знаменка, Идэрский, Могойн-Шине-ус, Эрдэнэмандал) (Войтов, 1996, рис. 2, 8, 12, 26). Как известно, многие селенташские комплексы также имели прямоугольные курганы-храмы (Городищенский; Елизаветпольский; Оленина Отнога; Елантау; Селенташ, к-н 5; Еремей-Тау; Кайнсай, к-н 14), хотя, как нам представляется, их количество гораздо больше, но степень разрушенности и методика исследования отдельных комплексов не позволили в ряде случаев установить форму центральных храмов. Вокруг или перед центральным храмом грунтовыми валами и рвами или каменными грядами ооконтуривается пространство *большого наземного храма*. Оно организуется длинными сторонами на восток, где располагается вход в большой храм. В Монголии большие храмы, как правило, имеют правильную прямоугольную форму (Войтов, 1996, рис. 5, 8, 9, Ць 13, 14, Ш-2Б). Хотя, в ряде случаев, и в Монголии, и особенно часто в Саяно-Алае, пространство перед центральной оградой-храмом оформлялось дугообразными грядами из каменных балбалов, идущими с востока на запад. При этом, как справедливо было отмечено рядом авторов, обязательное расположение загиба на концах гряд, факт не случайный, он играет особую культовую функцию. (Войтов, 1996, с. 90; Грач, 1961, рис. 20, 22, 26, 52, 57, 66, 71; Кубарев, Цэвендорж, 2002, с. 89, рис. 22; Сорокин, 1981, с. 23-39).

По сути дела, "усы" или гряды в урало-казахстанских селенташских комплексах играют

роль символических стен, ооконтуривающих пространство большого храма. Интересен тот факт, что площадь большого храма и в монгольских и в селенташских памятниках примерно одинаковая. Она колеблется в пределе 1000-2000 кв. м.

Таким образом, комплексы селенташского типа (курганы с "усами") и культово-поминальные памятники Монголии и Саяно-Алтая отражают единокультурные представления западных и восточных тюрков. Они рознятся в архитектурном оформлении отдельных элементов, однако, основные структурообразующие детали (наличие центрального храма с совершенным в нем погребальным или поминальным ритуалом в виде костровища и большого храма, развернутого входом на восток) этих памятников сходны. Наличие курганов с "усами" в южном Синьцзяне и своеобразное оформление стен культового комплекса Кэрэмуци в виде каменных гряд, загибающихся на восточных концах (Варенов, 1999, рис. 1, 2) (промежуточный вариант между прямоугольным храмом и "усами") позволяет говорить, что район Восточного Туркестана является центральным (или пограничным) в распространении этих двух культовых традиций. На запад - курганы селенташского типа, на восток - культово-поминальные пантеоны монгольского типа.

В определенной мере, все вышеприведенные археологические наблюдения подтверждаются нарративными источниками. Основные детали погребального обряда, приводимые в известных хрониках династии Тан Чжоу, а также в малой и большой надписи на памятнике Кюль-Тегину выглядят следующим образом. Вначале покойника укладывали в юрту (центральный храм-святилище) на возвышенном месте. Для Кюль-Тегина в центре обвалованной и вымощенной сырцом площадки (67,25 x -28,85 м) был сооружен храм из кирпича (10,25 x 10, 25 м), со святилищем в центре (4,4 x 4,4 м). *Перед покойником клали жертвенных животных - лошадь и овиу.* В назначенный шаманом день покойника *вместе с его конем сжигали* (на стороне - СБ.), а *пепел с вещами* (побывавшими в огне - СБ.), предавали земле. После этого сверху набрасывали камни. *От этой могилы, либо от входа храма на восток выстраивали аллеи балбалов, олицетворяющих убитых врагов.* (Грум-Гржимайло, 1926, с. 214-215; История Сибири, 1968, с. 284; Кляшторный, 1964, с. 57, 58).

Таким образом, приведенные данные позволяют говорить о том, что письменные источники, как и археологические, демонстрируют абсолютно сходный набор обязательных черт погребального ритуала, распространенного в среде наиболее знатных тюркских родов (тюрков-ашинов). Этому кочевому населению, по всей видимости, принадлежат культово-поминальные комплексы селенташского типа.

Другой тюркокультурный комплекс демонстрирует погребение с конем. Появление в урало-казахстанских степях и распространение далее на запад погребений с конем или шкурой лошади, ориентировкой покойника головой в восточный сектор (Чиликты; Жарлы 2, к-н 1; Егиз-Койтас; Осиповка; Кривая Лука; Энгельс, к-н 36, погр. 2; Бородаевка, к-н 9, погр. 5; Бережновка, к-н III, погр. 1; Мелитопольское; Зеленокумское; Крупское; Чапаевск; Червоноармейское; Портовое; Дымовка; Белозерск и др.) отражает процесс инфильтрации кочевого населения из пределов алтайского ареала алтае-телесских тюрков. Погребальный обряд и основной набор сопровождающего вещевого инвентаря (костяные подпружья, пряжки, стремяна с пеглевидной дужкой, кольчатые удила, отсутствие керамики) сближают эти памятники с телесскими комплексами катандинско-кудэргинского типа Алтая и Тувы (Гаврилова, 1966; Nesterov, 1995) и позволяют датировать их рамками VI-VII (тюрко-телесского этапа). Наполним, что данные комплексы сосуществуют на этих территориях с другими памятниками, содержащими скелеты и шкуры коня и КРС: Аркаим, Каменный Амбар (к-ны 5, 6), Шипово (к-ны 2, 3), Верхне-Погромное (к-н 4, погр. 3). Это погребения под грунтовыми насыпями или бескурганые, с северной ориентировкой покойников

158

и наличием в ногах жертвенников из костей и черепов крупного рогатого скота (в одном случае верблюд). Очевидно, что в эту группу входит тройное погребение в кургане с "усами" Каннатас. В вещевой комплекс данных памятников входят, как правило, предметы конской узды, поясной и ременной гарнитуры, украшения (диадемы, серьги, подвески, бусы), зеркала и керамика. Подобные комплексы этого же периода (конец V - VIII вв. н.э.) известны в По- (волжье (Переполовенка, Ленинск, Ташкирменский, погр.1), Прикамье (Коминтерновский II, Кушнаренковский, погр. 2, 27), а также среди кочевнических комплексов в Западной Сибири (Сопка II, погр. 688) (Генинг, 1977; Казаков Н 996; Молодин, Чикишева, 1990). Основные перечисленные элементы погребального обряда сближают эти комплексы, с одной стороны, с предшествующими гунно-сарматскими, с другой, раннеболгарским и раннеаварским населением Алтае-Туркестанского ареала.

В позднюю группу входят 21 комплекс IX веков (торгешко-огузский этап) (Бобровский к-н 3, погр. 1, 2; к-н 4, погр. 1-3, 6; к-н 5, погр. 1, 3; к-ны 7, 12; Нуринское; Атапа II, к-н 2; Усть-Суерское IV, погр. 1-3, Черноозерье I). Это небольшие фунтовые курганы или бескурганые простые неглубокие погребения с западной ориентировкой покойников. Вещевой комплекс составляют конская узда с S-видными, восьмерковидными удилами; стремяна арочной формы с узкой восьмерковидной подножкой или прорезью для путалища; костяные массивные подпружные пряжки; наконечники стрел (асимметрично-ромбические, листовидные, томары); костяные накладки для лука; ременная гарнитура с сегментовидными или овально-рамчатыми пряжками с подвесным щитком; а также накладками сердцевидной формы с прорезью для подвесного ремня в нижней части и с растительным орнаментом на щитке; круглыми пряжками для

перекрестных ремней; сердцевидными, геральдическими и якорьковидными накладками.

Большинство перечисленных памятников располагаются в лесостепной зоне Южного Зауралья и Северного Казахстана. В этой связи не случаен тот факт, что основные черты погребального обряда (грунтовые курганы, неглубокие погребения, западная ориентировка) демонстрируют схожесть с памятниками горнолесного и лесостепного Зауралья караякуповского типа IX-X веков (Наровчатский, Хусаиновские, Бекешевские 1-11, Тавлыкаевские, Муракаевские курганы) (Боталов, 2000, с. 318. Рис. 29), и подчевашскими памятниками юго-западной Сибири VIII века (Лихачевский могильник) (Генинг, Зданович, 1986).

Сходство этих погребальных комплексов с памятниками угорского и угро-самодийского ареалов Зауралья и Западной Сибири (Караякуповской, Потчевашской и Сросткинской культур) не случайно. По мнению Д. Г. Савинова, памятники данного облика отражают процесс расширения кимако-кыпчакского ареала на Запад (Савинов, 1984, с. 51). На наш взгляд, действительно, появление подобных комплексов отражает активный процесс тюркизации лесостепного угорского и угро-самодийского населения.

Таким образом, *тюрко-телесский этап раннетюркского периода* целесообразнее всего датировать рамками VI (конец V) - VII веков. В него включено основное число раннеселенташских памятников, представленных курганами с "усами" (Солончанка I; Кызыл Жар; Кайсай, к-н 14; Городищенское IX; Султантемирский; Нижнедаулетовский; Коктал; Каннатас; Зевакинский, к-ны 1-3; Оленина Отнога; Елизаветпольское; Беркуты; Кызылтас, к-н 1).

Близость культово-погребальных традиций и керамического инвентаря с определенной вероятностью позволяет включить в эту группу основное число курганов с "усами" Центрального и Восточного Казахстана (Батыр Булак; Батакара, к-ны 55, 58; Сангуыр, к-ны 2, 3; Тасмола, к-н 19; Айдарлы; "36 воинов"; Карамурун II б; БугульНИ, к-н 3; Зевакинский; Коктал; Ижевское и др.).

В этот же временной интервал входят постгуннские погребальные комплексы Муслумово; Брюхановский выселок; Шипово (к-ны 2,

159

3); Верхне-Погромное (к-н 4, погр. 3); Кара-Агач; Каменный Амбар (к-ны 5, 6); Кызыл-Адыр и погребение Аркаим. Своеобразным переходным этапом от раннетюркского к следующему кимако-кыпчакскому периодам является *тюркешско-огузский (VIII-IX века)*. В него входят позднеселенташские комплексы, которые в основных своих чертах продолжают традиции курганов с "усами", но без фяд (Елантау; Восточно-Курайлинский, к-н 2; Александровские к-ны 1,2; Селенташ, к-ны 4, 5; Крутой Овраг, к-ны 1, 2). К этому же периоду относятся погребения могильников Боровского и Усть-Суерка-4, Нуринское погребение, курганы Атпа й (<флиз Койтас, Чиликты, Жарлы 2 (к-н 1), Черноозерье I. Это весьма важный этап в истории Урало-Казахстанский степей. Однако рассмотрение его невозможно без взаимосвязи с историко-культурными процессами, которые происходят и в раннекыпчакское время. Последствия их прямым образом являлись основой кимако-кыпчакского периода. В этой связи рассмотрение основных историко-культурных особенностей данного этапа необходимо в связке с данными последующего периода.

Кимако-кыпчакский период IX-нач. XIII вв. Его составляют: кимако-кыпчакский этап (IX-X) и *кыпчакско-половецкий (XI-нач. XIII вв.)*. Как уже указывалось в предыдущем разделе, расширение кимако-кыпчакского ареала приводит к активной тюркизации угорского и самодийского населения Западной Сибири и Южного Урала. В археологическом материале это отразилось в появлении лесостепных и горнолесных районах Южного Урала памятников в материалах которых наблюдается влияние со стороны тюркокультурного ареала Южной Сибири (Верхнее Приобье). Это отразилось в появлении особых форм коннской узды (эсовидные или восьмерковидные железные псалии, костяные псалии в виде ласточкиного хвоста или сапожка, костяные подпружные пряжки типы стремян и ременной уздечной гарнитуры) (Мажитов, 1981). Примерно, с конца VIII века начинает формироваться культурное единство южно-уральских и южносибирских памятников сросткинского круга, которое Д.Г. Савиновым совершенно справедливо связывается с расширением границ кыпчакского каганата (Савинов, 1976). Расширение тюрко-культурного кимако-кыпчакского ареала охватывает довольно зна-

чимые лесостепные и даже лесные районы Среднего Приобья и Прииртышья, где появляются памятники с характерными для этого круга материалами (Басандайка; Гилево I; Орловское; Бобровский; Чульпы 2; Преображека 3; Венгерovo VII; Иня; Красный Яр; Кулундинское; Ригозака; Камень II (Басандайка, 1948, с. 30,33, 34, 45, 55, 59, 62, 69, 71; Молодин, Савинов, Елагин и др., 1988, рис. 14,16,19-22, 33,45,46; Арсланова, 1968, 1969; Неверов, 1988, с. 16). Историко-культурный комплекс южноуральских памятников кимако-кыпчакского круга, как уже было сказано, начал формироваться на предыдущем этапе в VIII-XI, однако его окончательное сложение и последующее возникновение наступает в период IX-X вв. К этому времени относится большинство памятников: Наровчатовский, Синеглазово, Хусаиново, Старо-Халиловские, Бекешевские, Каранаево, Лагерево. Они представляли собой небольшие грунтовые насыпи, с погребением со шкурой коня, с 3-СЗ ориентировкой покойника.

Кыпчako-половецкий этап XI - нач. XIII вв. Этот этап представлен относительно немногочисленными комплексами*XI - нач. XIII вв. (курган у Третьего Пlesa, Кайнсай к-н 2, Змеиный Дол, к-н 2, Шоткара, Житимацкие II, Тавлыкаевские, Муракаевские, Лисаковский, Илекшар I, к-н 1, погр. 2, Илекшар II, к-н 3) (Боталов, 2000, с. 366-377; Морозов, 1987; Мажитов, 1981), представленные памятники равномерно картографируются в пределах южноуральских и примыкающих северо-казахстанских степей, на юго-западе достигая Центрального Казахстана на северо-западе Южного Приуралья. Существует точка зрения о крайней малочисленности степных памятников, что косвенно указывает на отсутствие у кыпчакского населения на данном этапе памятников этого периода. По нашему

160

представлению, относительная малочисленность Урало-Казахстанских комплексов данного этапа объясняется определенными причинами историко-культурного характера. По всей вероятности, население кыпчako-половецкого этапа было весьма дисперсным, особенно в удаленных провинциях Дешт-и-Кыпчакa, коими являлись южноуральские и северо-казахстанские степи. Основная масса кочевников сосредотачивалась либо в наиболее благоприятных зонах северопричерноморских и волго-донских степей либо вблизи азиатских оазисных городских цивилизаций, которые располагались в северных районах Средней Азии, в предгорьях Улутау или Казахского мелкосопочника (Нуринаско-Ишимского междуречья), где обнаружены города гузов X-XII вв (Маргулан, 1978). Исследования данных микрорайонов сегодня только начинаются (городище Бозок, раскопки М.К. Хабдулиной). Основные составляющие черты кимако-кыпчакского ИКК (погребение со шкурой коня 3-СЗ ориентировка) продолжают сохраняться и в последующее более позднее время на кыпчako-половецком историко-культурном этапе. Однако в отличие от предыдущих эти комплексы располагаются в пределах обширного региона Урало-Казахстанских степей. Истоки формирования традиций кимако-кыпчакского историко-культурного комплекса мы не без основания связываем с районами алтайского тюрко-телеского ареала, где к первым векам нашей эры среди различных групп погребальных памятников выделяются раннекатандинские памятники: погребения с конем или шкурой коня, расположенным на ступеньках и с западной ориентировкой (Катанда, к-ны 5,7, Усть-Эдиган к-ны 1, п.3; 33; Ороктой к-ны 1,14). Несмотря на то, что в раннетюркский период среди телеского населения Саяно-Алтая господствующей является восточная, в меньшей мере южная ориентировка покойников в погребениях с лошадей (Овчинникова, 1990, с.11; Nesterov, 1995, fig.1-8; Fruh- und hochmittelalterliche...,1982, abb.13-15, 17-22; Fruhmittelalterliche..., 1982, abb. 9,11,14,16,17, 19, 20, 28, 30, 33, 34, 31, 41, 43), определенная доля исследованных погребений VI-VIII вв. имеет ориентировку покойников головой в западный сектор (Nesterov, 1995, fig.9; Fruh-und hochmittelalterliche...abb.23). Не редкой является западная ориентировка в погребениях с конем раннестроткинско-инского этапа, в памятниках VII-VIII Верхнего Приобья (Неверов, 1988, с. 17; Могильников, 1981, рис. 27). По мнению С.П.Неверова данные памятники (Иня, Ст. Шарап, Чудская гора, Усть-Тартасский, Гоньбае) появляются в результате проникновения в лесостепное Приобье кочевого тюркского населения Горного Алтая на самом раннем этапе в VI-VII вв. (Неверов, 1988, с. 16-17), из чего следует, что формирование раннетюркского населения Приобья происходит в результате диф-

фузий тюркских кочевников Алтае-Телесского ареала и местного лесостепного угро-самодийского населения Южной Сибири. Эта реконструкция довольно четко подтверждается тем фактом, что на значительной территории лесо-степного Зауралья и юга Западной Сибири, обживаемой населением культур угорского и самодийского круга (саргатская, кашинская, большереченская, одинцовская, релкинская и др.) в погребальных комплексах западная и северо-западная ориентировка являются если не абсолютно господствующей, то наряду с северной занимает главенствующее положение (Елагин, Молодин, 1991, с. 48,50-53; Матвеева, 1994, с. 114; Полосьмак, 1987, с.22, 23, 51, 61; Корякова, 1988, с. 187, табл. 1 ; Культура Зауральских скотоводов..., 1997, с. 134, диаграмма 2; Беликова, Плетнева, 1983). Результатом довольно длительного взаимопроникновения тюркского и угро-самодийского населения является формирование собственно сроткинской культуры к IX в. (Неверов, 1988, с. 16), которая Д.Г. Савиновым не без основания соотносится с культурой населения кимако-кыпчакского каганата (Савинов, 1976, 1979, 1984). С этого времени, вероятнее всего, начинается расширение кимако-кыпчакского ареала на запад в Урало-Казахстанскую лесостепь и впо-

161

ледствии в степь, что точно описалось на страницах арабо-персидских и европейских источниках (Худуд-ал, Алам, Ал-Балхи, Махмуд Кашгарский, Ал-Истахри, Ибн-Хаукаль, Ал Масуди, Константин Багрянородный, Матвей Эдесский и др. (Кумекон, 1972, с. 55-59; Константин Багрянородный, с. 15; Агаджанов, 1969, с. 158). Возникновение и сложение сроткинской культуры знаменует собой формирование вначале кимацкого, а в последствии кыпчакского единого этнополитического ядра. Такова логика предложенной реконструкции сложения кимако-кыпчакского союза, как в двухкомпонентного (тюрко-телесской и угро-самодийской) этнокультурного процесса, который изначально протекал в конкретных ландшафтно-географических условиях предгорий Алтая и южно-сибирской лесостепи в границах бассейна Верхней Оби и археологические составляющие кыпчакского культурогенеза. В этой связи встает вопрос о кыпчакской предыстории, которая воссоздается на страницах исследований, посвященных истории этого народа на основании полулегендарных данных письменных источников (Таншу, Селенгинского камня, надпись Кюль-Тегину, Бильге-Кагана и др.) С.Г. Кляшторным и С.М. Ахинжановым воссоздаются яркие исторические этапы, предшествующие тому периоду, когда, собственно, кыпчаки и кимаки, выходят под этим названием на историческую арену (Кляшторный, 1986; Кляшторный, Султанов, 1992, с. 116-138; Ахинжанов, 1995, с. 49-98). Речь идет даже не об истории кыпчаков, а об исторических деяниях народов, упоминающихся различными информаторами под этнонимом *сир* и *сеяньто*. Формальное соответствие названий конкретных тюрко-телесских племен с более поздним наименованием кыпчак позволило вышеназванным авторам в контексте истории кыпчако-кимацкого каганата приводить и легендарные события, связанные и с деятельностью сеяньто в период существования Тюркских каганатов и даже в более ранний период. В качестве яркой иллюстрации сказанного, можно привести следующую весьма пространную фразу: «В середине I в. н.э. в восточной части Центральной Азии существовало два крупных объединения тюркоязычных кочевых племен – тюрки и теле. Сеяньто являлись частью полиэтничной по своему составу и слабо связанной между собой телесской племенной коалиции, занимавшей, по мнению многих исследователей, огромные пространства Евразийских степей от Большого Хингана на востоке до Каспийского моря на западе» (Ахинжанов, 1995, с.43; Гуркин, 2000, с.7).

На наш взгляд, в этом контексте история, собственно, кыпчаков подменяется некой предысторией, в которой фигурирует не реальный народ, а этноним, который впоследствии вообще исчезает со страниц письменных источников, либо схожий с ним этноним будет использован для наименования реальной сформировавшейся народности. К сожалению, данная этнолингвистическая методика получила свое последующее развитие в специальном обширном исследовании С.В.Гуркина (2000,2001). На наш взгляд, подобные исторические построе-

ния и допуски, не имеющие под собой реальной основы, в конечном счете приводят к искажению объективных исторических процессов и подмене понимания реальных процессов, связанных с историей конкретного этноса и его культуры на легендарные события, возможно не имеющие к ним конкретного отношения. В этой связи, не следует удивляться выходу в свет произведений, на страницах которых подобная историческая логика и методологическая практика приобрела свой фактически абсурдный характер. Речь идет о произведении Мурада Аджи "Кыпчаки. Древняя история тюрков и Великой Степи" (1999), где история всех кочевых народов Евразии подается, как история, собственно, кыпчаков.

С нашей точки зрения историю кимако-кыпчакского этноплеменного объединения наиболее корректно начинать со второй половины VIII в., когда этот этноним и появляется на страницах письменных источников. В рамках предлагаемой периодизации, как уже указывалось, этот факт падает на предшествующий тюргеш-

162

ско-огузский этап. С точки зрения историкокультурного содержания, эти названия довольно точно характеризуют ситуацию в Урало-Казахстанских и Южносибирских степях в VIII-IX вв. На наш взгляд, тюргешскую составляющую определяют, как уже было упомянуто, поздне-селенташские комплексы типа Елантау, Каменный Овраг, Кызыл Жар, продолжающие культурные традиции, сложившиеся в данном регионе в период существования Западного Тюркского Каганата. Что же касается огузской составляющей, то здесь вопрос обстоит особым образом. Несмотря на то, что, по мнению некоторых авторов, первоначально термин "огуз" был нарицательным, в последствии он стал общим наименованием племен, образовавшихся в Приуральских степях в результате смешения тюркютов с местными племенами (Артамонов, 1962, с. 416-419). Судя по письменным данным (древнетюркские рунические надписи в честь Кюль-Тегина, Могиляна, Тоньюкука) первоначально основное ядро огузов (тогуз-огузов, уйгуров) в первой половине VIII в. занимало территории к северу от владений Орхонских Тюрков (бассейн Толы, Селенги, Юго-Восточный Саян). Лишь к началу IX в., по данным арабских авторов (Ибн Хордадбех, Аль Якуби, Аль Балазури и Ат Табари) огузы совершают поход на Уструшану и таким образом появляются в верховьях Сырдарьи, где оказываются в непосредственной близости от другого не менее известного союза, который носил "этноним": «Кантой»-«Кангар»-«Кенгелес»-«Буджак»-«Печенег» (Гарустович, Иванов, 2001, с.8-10). Данные сведения об огузах в контексте нашего исследования весьма важны, так как в этом случае письменные источники, данные родословных и легенд, во-первых, картографируют огузов изначально в Присянье, затем в Приобье, Поиртышье и, наконец, в Казахстанско-Среднеазиатских степях, во-вторых, в связке с огузами, как единокровные упоминаются кимаки, кыпчаки и карлуки (Кононов, 1958, с.43-50; Гарустович, Иванов, 2001, с. 11-12; Гуркин, 2000, с. 11-13). Как мы можем заметить, данная динамика рассмотрения огузского этно-политического влияния вполне соответствует становлению границ тюрко-телесского археологического ареала погребений с конем и преобладающей западной ориентировкой, о чем говорилось выше. Восточные границы этого ареала очерчивают погребения Присянья, а западные комплексы востока Центрального Казахстана.

В последующий период вплоть до X века письменные сведения сообщают о череде войн между печенегами и огузами за земли "вокруг моря Джурджан (Арал)" (Гарустович, Иванов, 2001, с.111). В союзе с огузами (гузами) у Ал Масуди упоминаются кыпчаки и карлуки, а с печенегами башкир, бурджан и нукерде. К началу X века огузский союз племен одержал верх над печенегами (Кузеев, 1971, с.21), в результате чего последние вынуждены были покинуть Приаральско-Сырдарьинский ареал своего исконного обитания. Из приведенных сведений, как уже говорилось, весьма трудно провести грань, где продолжается огузская и начинается кыпчакская история. Кыпчаки в это время участвовали в деяниях огузского союза и являлись составной частью огузского (тюрко-телесского) этнокультурного единства. В этой связи понятна та сложность, с которой сталкиваются исследователи кочевнических древностей восточноевропейских степей, когда пытаются выявить четкие критерии в выделении огузских (гузских) и кыпчакско-половецких комплексов IX- XI вв. Решающими в этом случае являются, как правило, не археологические, а письменные данные, констатирующие по сути смену этно-

племенного названия, на наш взгляд, единого этно-племенного союза, произошедшего на рубеже XI-XII вв. Единокультурная основа явилась причиной того, что формальные черты сходства погребального обряда сохраняются достаточно долгий период. В этой связи, вероятно, невозможно да и нет смысла выявлять особые различия огузских (гузских), торческих и раннекыпчакских или раннеполовецких комплексов. Различные "особые" категории вещевого материала, как-то копоушки, птицевидные и лазури-

163

товые подвески и др., безусловно, отражают хронологические особенности и культурно-географические изменения в среде гузо-половецкого населения. Однако, как нам представляется, они не могут в полной мере выступать этнокультурными реперами.

Иная ситуация складывается вокруг огузских и печенежских комплексов. Несмотря на единство мнения о том, что основные очаги культурогенеза огузов и печенегов, отстоят друг от друга на тысячи километров печенеги-баджак-кангелес-канглы-кангюй-Сырдарья, Приаралье; огузы-тогуз-огузы-Присяянье; (Толстов, 1947, с. 101; Плетнева, 1990, с.94-96; Гарустович, Иванов, 2001, с.8-9; Бартольд, 1968, с.89-92; Савинов, 1979, с.55-69), в последующий период их единой истории, которая протекает в степях Западного Казахстана, Волго-Донья и Приднепровья, они рассматриваются в едином контексте. Их изначальное культурное своеобразие нивелируется и исчезает в необъятном океане кочевой синкретической культуры. Попытки выделения среди общей массы многочисленных кочевнических комплексов данного периода памятников отдельно печенежских отдельно огузских (гузских, торческих) не представляется возможным, либо не имеют убедительных критериев (Федоров-Давыдов, 1966, с. 141; Плетнева, 1990, с.95; Гарустович, Иванов, 2001, с.94). С нашей точки зрения, данная ситуация не отражает реального облика культур вышеприведенных кочевых народов. Действительно, если принять за основу положение, что культурогенез печенегов связан с народом страны Кангюй, а с этим сегодня большинство авторов согласны, то очевидно, что истоки материальной культуры печенегов необходимо искать в памятниках Среднеазиатских и Южноказахстанских оазисов, где с первых веков н.э. существовал ряд культур (каунчинская, джунская, арысская, кенкольская и др.), которые большинством исследователей и автором связываются с культурой Кангюя. Нами они объединяются в кенкольский тип памятников Алано-Кангюйского ИКК, о чем уже упоминалось на страницах отдельных работ автора. Характерной объединяющей особенностью погребальной культуры данного населения является катакомбный обряд (дромосные катакомбы с подбоями и простыми ямами с южной ориентировкой (Боталов, 2003, с.113). Несмотря на начавшуюся активную тюркизацию, которая происходит со второй половины VI века после походов Истеми хана в Среднюю Азию, думается, что основной историко-культурный комплекс алано-кангюйского населения сохраняется вплоть до распада и прекращения существования данной этно-культурной общности. Как известно, фактически все памятники отрарско-каратауской, джетыасарской, каунчинской, арысской и др. позднекангюйских культур прекращают свое существование к рубежу VII-VIII вв. (Григорьев, 1940; Максимова, Мершиев, Вайнберг, Левина, 1968; Левина, 1966, 1996; Байпаков, Подушкин, 1989, с. 26; Бурханов, 1992, с. 12). Происходит это в два этапа: мелкие поселки и селища перестают функционировать к V-VI вв., а городища - к рубежу VII-VIII вв. (Толстое, 1949, с. 27). Это подтверждается и на материалах могильников, где встречены наиболее поздние материалы, они датируются VI-VII вв. (Амброз, 1981, с. 21, рис. 10) и даже до VIII-IX вв. (в памятниках арысской IX-X вв. и джетыасарской культуры) (Подушкин А.Н., 2000, с. 136; Левина, 1996, с. 286, рис. 94 (стремена, подпружные пряжки: I период по Г.А. Федорову-Давыдову (1966, с. 12, 115). Распад Кангюя был вызван прежде всего экологической катастрофой, произошедшей в этот период в зоне Арало-Сырдарьинских степей (Боталов, 1996, с. 195-196) и, безусловно, усложнившимися внешнеполитическими условиями (завоевание Западно-Тюркского каганата и огузов). Как нам представляется, следствием этого явилась

длительная миграция аланского населения страны Кангюй в Волгодонские, Северокавказские и Днепродунайские степи, где с VI по X века появляются памятники салтово-маяцкой культуры (Плетнева, 1967, с. 8), характерные особенности которой (планировка и фортификация

164

городищ, катакомбный обряд, состав керамической посуды) схожи с алано-кангюйским ИКК. Безусловно, принимая тезис о многокомпонентности салтово-маяцкой культуры, нельзя не признать, что аланская составляющая ее является доминирующей. Динамика исчезновения аланских памятников Кангюя и возникновение с последующим расширением ареала салтово-маяцких комплексов наводит на мысль о взаимосвязанности этого процесса. Если на начальном этапе алано-кангюйские миграции из арало-сырдарьинской зоны привели к сложению аланской компоненты хазарского каганата, то, по всей видимости, завершающим аккордом был исход печенежского (хотя и в значительной мере тюркизированной) (Плетнева, 1990, с. 9-10) однако в основе своей кангюйского, следовательно, аланского населения. Из всего сказанного следует, что, вероятнее всего, салтово-маяцкая культура, с одной стороны, отражает общеаланское культурное единство, с другой, несет двукомпонентное этнополитическое содержание: на раннем этапе VI-VIII вв. – это аланское население Хазарского каганата, на позднем - IX-X вв. и, прежде всего, это касается населения хазарского западного порубежья и днепро-дунайские территории - картографирует расселение печенежской орды. Эта реконструкция не противоречит и общеисторическим данным. Тем более сегодня в западных пределах очерченного региона (Южное Поднепровье), значительно удаленных от границ Хазарского каганата, действительно известны памятники X-XI вв. (то есть после падения каганата) салтовского круга (Козловский, 1992, с. 154; Бубенок, 1997, с. 28-30). Данная реконструкция не претендует на свою бесспорность, однако она позволяет разрешить весьма важное противоречие в культурной идентификации двух наиболее важных для развитого средневековья восточноевропейских степей кочевых этносов печенегов, с одной стороны и огузов, половцев - с другой, которые в истоках своих несли абсолютно разный ИКК. В этой связи абсолютно логично выстраивается череда последующих событий. Появление на рубежах хазарского каганата огузско-раннеполовецкого населения, которые маркируют комплексы типа Саркела-Белой Вежи, знаменуют собой не только последний период существования хазарского каганата, но и пребывания собственно печенежского населения в пределах этих районов. Это ознаменовалось прекращением существования наиболее крупных салтово-маяцких некрополей этого региона (Плетнева, 1989, с. 172; Флеров, 1984, с. 197) и расширения ареала салтовской культуры на запад, что соотносится с уходом печенежской орды на запад в Подунавье.

Таким образом, данная попытка уточнения картины этнокультурных взаимодействий в Урало-Казахстанских и Восточноевропейских степях позволяет более рационально реконструировать процессы дальнейшего кимако-кыпчакского культурогенеза.

Для Урало-Казахстанских степей начало кимако-кыпчакского периода, как уже говорилось, падает на конец IX в. Историческая фабула событий раннекыпчакской истории выглядит примерно следующим образом. К этому времени кыпчаки в урало-аральских степях разгромили печенежскую коалицию (Кузеев, 1971, с. 21). На юге, в бассейне Сырдарьи, они одержали верх над огузами (Агаджанов, 1969, с.154-155) и в 1030 г. оказались у границ Хорезма (Кумекоев, 1972, с.43, рис. 75, 10, 11). Окончательно они вышли из политической зависимости от кимаков в XI в. После падения кимацкого государства, в разгроме которого, вероятно, участвовала одна из восточных группировок (История КазССР, 1979, с.52, рис.97, 3), они сдвинули лесостепное сроткинское население и хакасов из Обь-Иртышского междуречья на восток (Неверов, 1988, с. 18), а на западе предприняли первые набеги на волго-донские районы (город Саксин) и далее на Русь (1055 и 1061гг.). Историческая канва достаточно убедительно показывает, что кочевники заурало-казахстанских степей в XI в., безусловно, находились в ареале кыпчакской политической зависимо-

165

сти. В это время, вероятно, земли Урало-Аралья (от восточных склонов Урала) являлась кочевьями кыпчаков.

К XII в. восстанавливается прежняя пастбищно-кочевая территория в рамках Урало-Аральского региона, что способствовало этнической консолидации и окончательной тюркизации населения западноазиатских степей к XIII в.

С конца XII-XIII вв. кочевое население Дешт-и-Кыпчака активно осваивает северную часть южноуральских и западносибирских степей и частично юг лесостепей. Это обусловило появление комплексов XII-XIII вв. в лесостепной Башкирии (могильники Мрясимовский, Кушулевский, Сыпты, Шах-Тау, у поселка Комсомольский, на Охлебнинском городище) (Мажитов, 1977, с.34-35; Кузеев, Иванов, 1983, с. 16). Это население активно контактирует с угорскими племенами, оставившими памятники чиялыкского типа в лесостепном Приуралье и Зауралье (Казаков, 1986; Гарустович, 1988) и памятники сылвенского круга в Юго-Западной Сибири (Овчинникова, 1987, рис 75, 15, 16).

По нашему убеждению на заключительном кыпчако-половецком этапе раннетюркской эпохи окончательно формируется историко-культурный облик кочевников Урало-Казахстанских степей. Вероятнее всего этот этап следует считать отправной точкой этногенеза автохтонных кочевых народов Южного Урала и Казахстана. По нашему представлению несмотря на всю грандиозность событий произошедших в период монгольских походов, создания и существования Золотой Орды в пределах Урало-Казахстанских степей подавляющее количество составляло автохтонное тюркоязычное население, сформировавшееся здесь накануне нашествия Темучина.

При анализе материалов памятников золотоордынского этапа наблюдается чрезвычайная пестрота археологических типов материальной культуры. Однако, в целом, южноуральские материалы золотоордынского круга обнаруживают определенную устойчивую тенденцию. Интересным в этой связи является комплекс небольших родовых могильников, сосредоточенных на сравнительно малой территории Агаповских гор и Кирсы (окрестности Магнитогорска). Несмотря на сравнительно небольшое количество исследованных в этом микрорайоне комплексов (до двух десятков), в целом погребальный обряд этой выборки демонстрирует основные тенденции историко-культурного комплекса южноуральских кочевников в период Золотой Орды. Абсолютно господствующей ориентировкой агаповских и кирсинских памятников, равно как и всех погребений Южного Урала (Костюков, 1997, с. 7) является западный сектор (СЗ, ЮЗ). Показательным является наличие скелета коня в Кирсинском кургане 1. Заметим, что в целом достаточно большое число погребений продолжает эту традицию положения в могилу коня или его шкуры (35 случаев -12%) (Костюков, 1997, с.8). Таким образом, в золотоордынский период продолжают сохраняться основные традиции, которые были заложены в предшествующее огузо-кыпчакское время. Кроме того, отдельные категории вещевого инвентаря (наконечники стрел, удила, накладки, кресала) испытывают явное влияние со стороны южносибирского кимако-кыпчакского и аскизского ареалов. Интересно то, что следующим по счету является группа погребений с северной ориентировкой. Данная традиция в сочетании с наличием в отдельных погребениях (примерно равного процента) гробов и колод своеобразно маркирует характерные черты монгольского историко-культурного ареала. Как указывалось выше, эти составляющие погребального обряда устанавливаются в пределах Большой Монголии и Ордоса еще в раннехуннское время и продолжают неизменно существовать в период империи монголов (Цзэн-дорж, 1985).

Все вышесказанное позволяет говорить, что основную часть золотоордынского общества составляло местное Урало-Казахстанское кочевое население, входившее накануне монгольского нашествия в Дешт-и-Кыпчак. В этой связи, мы разделяем точку зрения исследова-

166

телей, которые говорят о кыпчакской основной составляющей населения Золотой Орды. Хотя бесспорно то, что собственно само название кыпчак теряет бывшее интегрирующее значение. Оно продолжает существовать среди многочисленных племенных наименований, которые выступают на арену в период глобальной этнокультурной деструкции.

Так, по мнению основного исследователя данного периода В.П.Костюкова, опирающегося на данные письменных источников, основу населения улуса составляли такие родоплеменные объединения как найманы, карлуки, кушчи, буйрак, согласно списку "омаков", переданные во владения Шибана (Костюков, 1997, с. 16). Думается, этот список не исчерпывал весь пе-

речень родовых объединений, расселявшихся в пределах улуса Шибан-хана. Вероятнее всего, список племен, населявших урало-казахстанские территории и входящих в состав улуса Шибана, был более обширным. Немногим позже один из потомков Шибана - Абулхайрхан объединил многие роды Казахстана, которые в начале XIII в. были переселены в Среднюю Азию. По данным Мухаммада Салиха, в составе переселенцев-шибанидов насчитывалось 19 родов, 13 из них были выходцами из Дашп-и-Кыпчака. Среди них: абгу, аблу-оглы, буркут, дурман, ички, карлук, конграт, кушчи, мангыт, найман, нукуз, тама, уйсун. Очевидно, что большее число этих племен ранее входило в кыпчакское этнополитическое объединение. Насколько нам известно, собственно кыпчакское родовое объединение сохраняется и в последующий период. Ру - «кыпчак» являлся одним из составляющих населения Среднего Жуза и занимало районы Северного Казахстана, непосредственно примыкающие к Южному Зауралью.

В течение XIII-XIV вв. на территории улуса Шибана шла активная этнокультурная нивелировка. Она естественным образом была связана с высокой плотностью совместного проживания, политическим и идеологическим единством, которое было обусловлено тюркокультурной общностью автохтонных кочевых народов Урало-Казахстанских степей. Установление государственно-административной улусной системы и принятие единой религии завершили процесс этно и культурогенеза современных степных народов евразийского порубежья.

История Казахской ССР. (С древнейших времен до наших дней). 1979. Т. 3. Алма-Ата,

История Сибири. 1966. Л.

Казаков Е.М., 1986. О происхождении и этнокультурной принадлежности средневековых прикамских памятников с гребенчато-шнуровой керамикой // Проблемы средневековой археологии Урала и Поволжья. Уфа.

Казаков Е.П., 1996. К вопросу о турбаслинско-именьковских памятниках Закамья // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. Самара.

Кляшторный С.Г., 1964. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М.

Кляшторный С.Т., 1986. Кыпчаки в рунических памятниках // *Turcologica*. Л.

Кляшторный С.Т., Султанов Т.Н. 1992. Казахстан. Летопись трех тысячелетий. Алма-Ата.

Козловский А.О., 1992. Историко-культурный развитой ГИВденного Подшпров Iя в IX-XIVст. Юев.

Кононов А.Н., 1958. Родословная Туркмен. Сочинения Абул-Гази хана Хивинского. М.-Л.

Константин Багрянородный, 1934. Об управлении государством // ИГАИМК. Вып. 91.

Корякова Л.Н., 1988. Ранний железный век Зауралья и Западной Сибири. Свердловск.

Костюков В.П., 1997. Памятники кочевников XIII—XIV вв. Южного Зауралья (К вопросу об этнокультурном составе Улуса Шибана): Автореф. дисс. ...канд. ист. наук. Уфа.

Кубарев В.Д., Цзвендорж Д., 2002. Древнетюркские материалы Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск. № 1.

Кузеев РТ. 1971. Урало-Аральская этническая связь в конце I тыс. н.э. в истории формирования башкирской народности // АЭБ т.IV.

Кузеев РТ. 1987. Проблемы этнической истории народов Среднего Поволжья и Южного Урала с середины второй пол. I тыс. н.э. до XVI в. Тезисы доклада. Уфа.

Кузеев РТ., Иванов В.А., 1983. Основные этапы этнической истории населения Южного Урала и Приуралья в эпоху средневековья // Проблемы средневековой археологии Урала и Поволжья. Уфа.

Культура зауральских скотоводов на рубеже эр..Екатеринбург.

Кумеков Б.Е., 1972. Государство кимаков IX-XI вв. (По арабским источникам). Алма-Ата.

Левина Л.М., 1966. Керамика и вопросы хронологии памятников джетысарской культуры // Материальная культура народов Азии и Казахстана. М.

Левина Л.М., 1996. Этнокультурная история Восточного Приаралья. М.

Мажитов Н.А., 1977. Южный Урал в VII—XIV вв. М.

Мажитов Н.А. 1981. Курганы Южного Урала VII—XII вв. М.

Мажитов Н.А., Султанова А.М., 1994. История Башкортостана с древнейших времен до XIV в. Уфа.

Максимова АТ., Мерциев М.С., Вайнберг Б.И., Левина Л.М., 1968. Древности Чардары. Алма-Ата.

- Маргулан А.Х.*, 1978. Остатки оседлых поселений в Центральном Казахстане //Археологические памятники Казахстана. Алма-Ата.
- Матвеева Н.П.*, 1994. Ранний железный век Приишимья. Новосибирск.
- Могильников В.А.*, 1981. Сросткинская культура //Степи Евразии в эпоху Средневековья. Археология СССР. М.
- Молодин В.И., Савинов Д.Т., Елагин В.С., Соболев В.М., Полосьмак Н.В., Сидоров Е.А., Соловьев А.И., Бородавский А.П., Новикова А.В., Кима А.Р., Чикишев Т.А., Беланов П.М.*, 1988. Бараба в тюркское время. Новосибирск.
- Молодин В.И., Чикишева Т.А.*, 1990. Погребение воина IV-Vвв. н.э. в Барабе// Военное дело древнего и средневекового населения Северной и Центральной Азии. Новосибирск.
- Морозов Ю.А.*, 1987. Средневековые захоронения II Тавлыкаевского могильника // Проблемы средневековой археологии Урала и Поволжья. Уфа.
- Неверов С.В.*, 1988. История племен сросткинской культуры VII—XII вв.: Автореф. дисс... канд. ист. наук. М.
- Овчинникова Б.Б.*, 1987. О зауральских памятниках сылвенской этнокультурной области конца I - начало II тысячелетия н.э. //Ранний железный век и средневековье Урало-Иртышского междуречья. Челябинск.
- Овчинникова Б.Б.*, 1990. Тюркские древности Саяно-Алтая в VI-X вв. Свердловск.
- Петров К.И.*, 1975. Проблема проживания тюркоязычного этноса на Тянь-Шане и в Средней Азии на рубеже н.э. //Страницы истории и материальной культуры Киргизстана (досоветский период).Фрунзе.
- Плетнева С.А.*, 1967. От кочевий к городам. МИД 142.
- Плетнева С.А.*, 1982. Кочевники средневековья. Поиски исторических закономерностей. М.
- Плетнева С.А.*, 1989. На славяно-хазарском пограничье. Дмитровский Археологический комплекс. М.
- Плетнева С.А.*, 1990. Половцы. М.
- Погребова М.Н.*, 1988. Ранний железный век // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. М.
- Подушкин Н.Н.*, 2000. Арысская культура Южного Казахстана IVв. до н.э.-VI н.э. М.
- Рыков П.С.*, 1936. Очерки по истории Нижнего Поволжья по археологическим материалам. Саратов.
- Савинов Д.Г.*, 1976. Расселение кимаков в IX-X вв. по данным археологических источников // Прошлое Казахстана по археологическим источникам. Алма-Ата.
- Савинов Д.Г.*, 1979. Об основных этапах развития этнокультурной общности кыпчаков на юге Западной Сибири // История, археология и этнография Сибири. Томск.
- Савинов Д.Г.*, 1984. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. Л.
- Семенов А.И.*, 1988. К выявлению центральноазиатских элементов в культуре раннесредневековых кочевников Восточной Европы // АСГЭ. Вып. 29.
- Скрипкин А.С.*, 1990. Азиатская Сарматия. Саратов.
- Сорокин С.С.*, 1981. К вопросу о толковании внекурганых памятников ранних кочевников Азии // АСГЭ. Вып. 22.
- Толстое С.Г.*, 1947. К вопросу о происхождении каракалпакского народа // КСИЭ. вып.2.
- Толстое С.П.*, 1949. Периодизация древней истории Средней Азии. КСИИМК. XXVIII.
- Турсунов Е.Д.*, 1973. Генезис казахской бытовой сказки. Алма-Ата.
- Федоров-Давыдов Г.Л.*, 1966. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Л.
- Флеров В.С.*, 1984. Маяцкий могильник// Маяцкое городище. М.
- Цзвэндорж. Д.*, 1985. Новые данные археологии хунну //Древние культуры Монголии. Новосибирск.
- Чагдуров С.Ш.*, 1980. Происхождение Гэсэриады. Новосибирск.

ЛИТЕРАТУРА НА ЕВРОПЕЙСКИХ ЯЗЫКАХ

- Fruh-und hochmittelalterliche Grabernon KudyrgeeffoAlta: //ava-materrialien Band 3,1982.
Fruhm ittelalterfehe Graber aiy&West-Tuva// ava-materrialien Band 4 .Munhen.

ЛИТЕРАТУРА НА КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

- Nesterov S.P.* Old jurks in the central Asia and Sorthern Siberia // Ханьго шан уши сизбао. Ди 19 хао. Бе шуа, 1995. Нянь (Вестник древней истории Кореи). №19. 1995. (культура эпохи бронзы кладбища Ялун в Гуюане, Нинся / Нинсяский институт культуры и археологии, Нинсяский музей г. Гуюань).